

День большевистской печати

Ровно тридцать шесть лет назад вышел в свет первый номер газеты «Правда», основанной товарищем Сталиным по указанию Ленина. Яркое воспоминание о великом вожде большевистского печатного слова. Светом идей Ленина — Сталина оно освещало народ его пути в революционном движении, в борьбе за советский строй, в социалистическом преобразовании Родины, в битвах Великой Отечественной войны. Ныне на весь мир гремит мощный голос советской печати, донося слово большевистской правды во все уголки земного шара.

Свобода печати невозможна в условиях господства капитализма, угнетения человека человеком, в условиях, где средства печати находятся в руках кучки крупных капиталистов, использующих это мощное оружие в своих корыстных целях. «Свобода» буржуазной прессы на деле есть свобода самой беспардонной лжи и отчаянной клеветы. О какой свободе печатного слова может идти, например, речь в Соединенных Штатах Америки, где три крупнейших агентства «Ассошиэйтед пресс», «Юнайтед пресс» и «Интернэшнл ньюс сервис», действующие по указу Уолл-стрит, установили монополистический контроль над прессой. По свидетельству самих деятелей американской печати, «фактически газеты издаются в центральных штабах банков и промышленности», а «все работники газет, начиная с мальчишки-расылочного и до главного редактора, принадлежат к числу наемных рабочих, взятых исключительно для того, чтобы через печать выражать взгляды своих хозяев».

Рабы своих хозяев, буржуазные писатели изогадывались настолько, что все менее и менее находились людей, способных им верить. Все чаще и чаще в самой буржуазной печати раздаются истерические крики, вроде: «Газета на ущербе», «инфляция слова», свидетельствующие о крахе и бессилии буржуазной прессы.

Буржуазная печать достигла крайней степени разложения. Она открыто торгует совестью и убеждениями, систематически разлагает человеколюбивое сознание, вражду между расами и народами. Буржуазная пресса — смертельный враг общности, враг народа.

Сила советской печати в том, что, будучи вооружена великими идеями коммунизма, она неотрывна от народа, служит его интересам. Созданием партий Ленин — Сталина, она является могучим оружием воспитания масс. Ее организующая и вдохновляющая роль в жизни советского государства огромна. В нашей стране печатное слово поистине «полюющее человеческие силы».

В. И. Ленин учил, что главная задача советской прессы — воспитание масс на живых конкретных примерах и образцах из всех областей жизни. Беспошадно выжигая все чуждое и враждебное, старательно и любовно подмечая ростки нового, передового, советская печать выступает как мощный коллективный организатор, способствующий движению нашего общества вперед. Если проследить историю всех массовых движений нашей современности, от первого коммунистического съезда в Базанской железной дороге до призыва ленинградцев выполнить новую сталинскую пятилетку в четыре года, во всей наглядности представит организующая роль нашей печати — проводника великих идей Ленина — Сталина, распространителя новаторского почва передового, пламенного агитатора и замечательного пропагандиста новых великих дел. Для советского читателя газета является зеркалом, правдиво отражающим жизнь страны, вдохновенный труд народа.

Именно поэтому праздник нашей печати — всенародный праздник. И как любой праздник в нашей стране, это не только день подведения итогов, а и широкая общественная проверка боевых сил.

Страна наша идет к коммунизму. Перед лицом огромных задач третьего десятилетия года послевоенной пятилетки народ требует от своих газет, журналов и издательств, от журналистов и писателей возмещения в жизнь той величайшей программы идеального воспитания, которая дана в решениях Центрального Комитета партии по идеологическим вопросам.

Писатели рассказывают о своих земляках

Доктор БИРЮКОВ

Более двадцати лет назад в небольшом городке Шадринске, что стоит на Исети, появился молодой врач Аркадий Павлович Бирюков. Часто, оставаясь жить своих маленьких пациентов, он предпринимал им свежие фрукты.

Но где достать фрукты в Зауралье, холодном, неласковом краю?

Аркадий Павлович решил поспорить с природой. В 1926 году возле своего дома он посадил первые яблоньки. Упорно боролся он за первенство своего сада. Энергия и воля победили — три года спустя Бирюков снял первый урожай яблок. Начиная с этого времени, он настойчиво ищет местные морозостойкие сорта фруктов, проводит интересные опыты по скрещиванию различных пород.

Сейчас в саду Аркадия Павловича одних только яблок 250 сортов. Смородина, вишня, слива, виноград, грецкий орех прекрасно прижились и дают плоды.

Сад доктора Бирюкова превратился в подлинный питомник садоводства. Трудящиеся Шадринска и колхозники окрестных деревень получают свыше сорока тысяч саженцев и двадцати тысяч черенков из сада Бирюкова.

В одном только Шадринске сейчас имеется около девяти тысяч фруктовых садов.

Л. ТАТЬЯНИЧЕВА.
гор. ЧЕЛЯБИНСК.

Главная задача нашей печати — коммунистическое воспитание трудящихся, преодоление пережитков капитализма в период постепенного перехода от социализма к коммунизму. Советский народ охвачен благородным порывом ускорить свое движение к коммунизму, выполнить пятилетку в четыре года. Об этом вдохновенном стремлении свидетельствуют все новые и новые трудовые подвиги на наших фабриках и заводах, дерзновенные замыслы тружеников социалистических полей. Изнаменитый патриотический советского народа нашел свое яркое выражение в том подвиге, с каким в эти дни по всей стране проходит подвиг на заем решающего года пятилетки. Советские люди, дружно отбывая свои средства взаимной государственности, демонстрируют всему миру непреклонную волю к дальнейшему укреплению социалистической Родины.

Народ ждет от своей печати, что она окажется достойной помощницей в его новых подвигах и свершениях, что советские журналисты и писатели все силы направят на то, чтобы, поддерживая инициативу лучших, неустанно пропагандируя и распространяя опыт новаторов, сделать этот драгоценный опыт достоянием миллионов.

Перед советской печатью стоит задача борьбы за расцвет новой социалистической культуры. В этих условиях особенно важное значение приобретает литературная критика. Глубоко принципиальная литературная критика призвана блюсти интересы народа, смело и решительно поддерживать новое, свежее, передовое в литературе, защищать идейную высоту нашей литературы и искусства от любых попыток загрязнить кристальный источник социалистической культуры стоячими, гниющими водами бездельности, формализма и других тлетворных влияний культуры современного буржуазного Запада.

В советской стране вырос новый, культурный читатель с высоконейшим вкусом и развитым вкусом. Мнение этого читателя драгоценно, его признание является лучшей наградой для советского художника. Наша печать сильна своей тесной связью с массами. Она делается не только перьями профессионалов, с ее страниц повседневно звучит голос читателя. Надо, чтобы этот голос звучал еще сильнее. Смелее и шире привлекайте массы читателей к обсуждению насущных вопросов культуры, к оценке новых явлений литературы и искусства — прямой долг наших художественных журналов и критико-библиографических отделов газет.

Тридцатилетний опыт существования советской литературы показывает, что у нас создались и укрепляются принципиально новые взаимоотношения между периодической печатью и художественной литературой. Факты нашей героической деятельности, находящие свое первое отражение на газетных полосах, впоследствии нередко становятся душой литературного творчества. Многие лучшие произведения советской литературы были результатом работы их авторов в газете, плодом огромного труда по собиранию, изучению и осмыслению фактов повседневной жизни. Участие в газете не только почетно для писателя, оно служит величайшим стимулом для последующих обобщений, для создания произведений широкого художественного размаха, типических образов и характеров.

Задача советской печати, — говорил секретарь ЦК ВКП(б) тов. М. А. Суслов на совещании редакторов областных и краевых газет, — столь же многообразна, как многообразна деятельность нашей партии. Борьба за выполнение и перевыполнение пятилетнего плана восстановления и развития народного хозяйства, за дальнейшее улучшение и развитие социализма в нашей стране, борьба за обеспечение прочного демократического мира между народами — вот те великие исторические задачи, на разрешении которых в данный момент сосредоточивается деятельность коммунистической партии и государства.

В выполнении этих задач исключительно велика и ответственна роль советской печати и в первую очередь газет, как могучего оружия партийной пропаганды и политического воспитания масс. Сверхценная обязанность работников пера — всемерно повысить роль и значение нашей печати в общей гигантской работе по строительству коммунизма, которую ведет советский народ под руководством большевистской партии, во главе с нашим великим вождем и учителем товарищем Сталиным.

Писатели рассказывают о своих земляках

Телитница БЛЫТОВА

В Гавриловском колхозе «Новая жизнь» Куйбышевской области у лучшей телитницы-стахановки шестидесятилетней Ольги Егоровны Блытовой ли разу не было случаев надежды. На днях председатель колхоза Мажнов объявил ей благодарность за образцовую чистоту в порядке в телитнице. Ольга Егоровна отказалась от благодарности и сказала председателю: — По-моему, здесь хорошо, а по-моему, лучше должно быть.

Бакенщик ВЛАСОВ

Ниже города Оханска, на Апашском перекате Камы, живет знаменитый всем режиссером старик, Степан Васильевич Власов. Шестидесять восемь лет он работает бакенщиком на этом перекате, и за все годы не было аварии там, где наблюдал за рекой и расставлял сигналы «Степан Васильевич». Он с любовью выполнял свое скромное, требующее большого внимания дело. Знает реку!

Через год Степану Васильевичу исполнится девяносто лет. Он в 1946 году вышел на пенсию, и за перекатом ведет на-

Мастер ЗАЛОГИН

На паровозных кладбищах дено Таганрог скопилось много докомитов, разрушенных войной. Мастер паровозного дено Дмитрий Александрович Залогин решил оживить сердце паровоза — котла — в условиях дено. Такой ремонт, требующий снятия котла с паровозной рамы, раньше делался только на заводах. Залогин восстановил котел, не снимая его с рамы.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ Орган правления Союза советских писателей СССР ГАЗЕТА

№ 36 (2419)

Среда, 5 мая 1948 г.

Цена 40 коп.

Михаил ГОЛОДНЫЙ Чтоб крепко гордое содружество

Возьми мой вклад, святая Родина! Пусть сад шумит, цветет смородина, дела растут необычайные, шумят колосья урожайные.

Пусть на полях, где шли сражения, в лесах поднимутся строения, мосты под арками веселыми, селения новые со школами.

Я по сердечному желаю, хочу помочь подняться зданию: пусть светлые, незатемненные, растут дома многооконные.

Ведь столько в жизни нами пройдено! Остаток лет моих, о, Родина, отдай тебе, как юность новую, всегда на мирный труд готовую.

Чтоб крепко гордое содружество, стояли рядом Труд и Мужество, в стране, где знаменем отечества сияет братство Человечества!

Писатели подписываются на заем

По предварительным данным, общая сумма подписки на новый заем среди писателей Москвы достигла двух миллионов рублей.

На 65 тысяч рублей подписались А. Фадеев, на 53 тысячи — К. Симонов, на 25 тысяч — Ф. Панферов. По 20 тысяч дали займы государству В. Горбатов, Л. Леонов, И. Эренбург, Т. Шевкина-Куперник.

ЛЕНИНГРАД (Наш корр.). К полудню 4 мая сумма подписки в ленинградском отделе Союза советских писателей превысила 180 тысяч рублей.

Лауреат Сталинской премии профессор Б. Мейлах подписался на 17 тысяч рублей. А. Прокофьев, В. Кетлинская, Л. Плуткин — на 15 тысяч каждый, Б. Эйхенбаум — на 11 тысяч, Ю. Герман — на 13.700, В. Дружин, Е. Шафр, В. Смирнов дали займы государству по 10 тысяч рублей.

КИЕВ (Наш корр.). В клубе украинских писателей состоялся митинг, посвященный выпуску Третьего государственного займа восстановления и развития народного хозяйства СССР.

А. Корнейчук дал займы государству 40 тысяч рублей, Л. Первомайский — 21 тысячу, В. Васильевская — 20 тысяч, П. Тычина — 19.500, М. Рыльский — 17.500 рублей.

КАЗАНЬ (Наш корр.). Писатели Татарии с возмущением откликнулись на постановление правительства о новом займе. Подписка уже в два раза превышает общую сумму среднемесячных литературных гонораров литераторов. Ахмед Ерикев подписался на 7 тысяч рублей, Максудов — 8 тысяч. Каяи Нажи — 5.500, Ахмед Исхаков и Гумер Баширов — по 5 тысяч каждый.

Писатели рассказывают о своих земляках

Гибщик БАТАЕВ

Гибка — профессия тяжелая. Широкий металлический лист весом в несколько пудов надо выгнуть точно по чертежу. Эта работа усложняется еще и тем, что до самого последнего времени гибка выполнялась вручную.

При скоростном методе строительства паровозов и паровозных гибочные работы стали «узким местом», тормозящим своевременное выполнение сталинской пятилетки.

Гибщик завода «Красное Сормово» Федор Батаев решил рационализировать свой труд, заставить машину помогать гибщику. Он предложил перевести ручную гибку кронштейна для крепления фонаря паровоза на станок по металлу на паровом молоте и сконструировал станок. Старший технолог нехотел. Батаев помог ему внедрить станок в производство. Результатом оказался блестящим: ту же самую деталь, на которую при старом методе обработки требовалось 8 минут, теперь делал за 30 секунд.

С этого и началась рационализаторская деятельность гибщика Батаева. Стремился досрочно выполнить пятилетку сталинскую пятилетку, он в 1947 г. сконструировал более 40 различных штампов и приспособлений и выполнял за год две с половиной годовых нормы.

В 1948 году он уже дал 7 новых предложений, благодаря которым выпуск некоторых деталей увеличился в 11—12 раз.

М. ШЕСТЕРИКОВ
гор. ГОРЬКИЙ

В. И. ЛЕНИН, И. В. СТАЛИН и В. М. МОЛОТОВ в редакции газеты «Правда» в 1917 году. Рис. худ. П. ВАСИЛЬЕВА.

Леонид ЛЕОНОВ ЗОЛОТОЕ ЗЕРНО

Трудно передать чувство, овладевшее мной в тот предвечерний час, когда радно перебралось познание, предшествующее новому, важному сообщению. На память сразу пришли дни, когда вся страна заморозилась у репродукторов, ожидая новых радостных вестей: еще один город освобожден, еще одна вражеская армия разгромлена и уничтожена мудростью сталинской стратегии, мужеством советских воинов, мощью советской страны...

...Умом логичные, и голос диктора восторженно провозглашал постановление правительства о выпуске нового Займа восстановления и развития народного хозяйства. И пока читал диктор, мне представлялась огромная наша страна, в которой не найти угла, где не восстанавливалось бы, где не развивалось бы хозяйство — залог народного счастья, богатства и мощи советской державы.

Мне представлялись необозримые поля и

Валентин КАТАЕВ ТЕБЕ, РОДИНА!

Вдохновенным трудом восстановления охвачена наша страна. Из руин, из страшного хаоса развалин вновь встает корпус завода, здания электростанций, дворцы рабочих клубов, дома, больницы, школы. Все, что коварно немцам толом, все, что сожгли фашистские факультеты, все, что разбито, уничтожено войной, мы на нашей земле возродили, возродим, и будет оно краше, лучше, богаче, чем было. Небесный труд. И лишь одной стране он под силу, лишь одному народу по плечу — нашей стране, нашему народу.

Взгляните за рубеж. Свободой, национальной честью и независимостью, безразличной к чуждым интересам, безраз-

ботней и обнищанием народов расплачивается наша советская страна. Мы не ждем подаяния из-за океана. Наши, своими силами, своим трудом поднимаем мы мощь и богатство Родины. И на свои средства.

На те средства, что дает наша социалистическая промышленность. На те средства, что добываем мы в шахтах, нефтяных скважинах, на приисках и бескрайних наших полях. И на те, что мы добровольно даем взаимным государству.

И деньги, что вносим мы сейчас по подписке, — это дань благодарности нашей великой Родине, где каждому доступно счастье, где человек свободен и горд, где рождается новый невиданный мир — мир коммунизма.

Валерия ГЕРАСИМОВА

Дивиденды материальные и духовные

На собрании ткачих «Трехгорки», посвященном сообщению о новом займе, выступила директор Трехгорной мануфактуры Анна Савельевна.

На точном языке цифр она говорила о том возмещении, которое коллектив «Трехгорки» в прошлом году получил от государства взамен того, что дал ему взаимным. Коллектив комбината подписался на сумму в три миллиона, а от государства получил пятнадцать миллионов. Затраты правительства на нужды рабочего коллектива «Трехгорной мануфактуры» директор перечисляла «постатейно» — здесь были и детские сады, и ясли для ребятишек ткачих (800 тысяч рублей), и содержание театра, клуба и стадиона (1.815 тысяч рублей), и строительство двух санаториев в Ессентуках (2.500.000 рублей), и многое, многое другое...

На языке «сухих» цифр раскрывалась перед работницами «Трехгорки» величай-

шественная картина того, что дает трудящимся их собственное, принадлежащее им государство.

Длинен и разнообразен список не только материальных, но и духовных богатств советского человека, несопоставимых с содержанием всех сейфов мира. Вот эти богатства: нищем не попраемому, нищем не принимаемому чувству подлинного человеческого достоинства; радость труда на благо великого коллектива людей социалистической страны; благородное чувство братства трудящихся всех наций, всех отцов, матерей, раскрепощенная от корыстного использования, беспредельно свободная творческая и научная мысль...

И обо всем этом беспримесным возмещением с особенной ясностью мы вспоминаем сегодня, от всего сердца отдавая взаимным государству свои трудовые

Печать — самое острое
и самое сильное
оружие нашей партии
И. СТАЛИН

Собственный корреспондент

— Слушай, Моденов, — сказала редактор областного газеты по телефону соборнику, — у тебя четыре района, а у меня их в области больше восьмидесяти. Уж ты меня извини. Все-таки и другим районам нужно место в газете.

Моденов вынужден был с этим согласиться, хотя энергия его и требовала выхода.

Вот уже несколько месяцев он работает в воронежской «Коммуне». Он появился в начале 1946 года, после возвращения с фронта.

— А ты из каких мест? — спросил редактор.

— Нет. Был у нас в политотделе капитан Халеренко, воронежец. Хорошо он ко мне относился, — я там в политотделе секретарем работал. Все говорил: «Поедем со мной — хороший был город, подберешь себе место по вкусу». А я сам из Архангельской области.

Он разговаривал с неуверенной сдержанностью, «осеребрив», «окаменев», и тем не менее речь его отличалась хорошим выбором слов.

Редактор приглашался к этому моменту с серьезными поговорами, с доверчивыми, чуть-чуть косящими голубыми глазами, с умными, высоким лбом и, как у северян, льняными редкими волосами. Из рассказов редактор узнал, что Моденов воспитан детдомом; после детдома он стал изобретателем в районной газете — работа эта очень его увлекала; затем ушел воевать; с войны вернулся молодым членом партии.

— Давай, товарищ Моденов, попробуем, — решил редактор. — В Калач соборник поедешь?

Городок, куда приехал Моденов, оказался небольшим, со всех сторон окруженный холмами. Самое его название пропало, говорят, от того, что посреди этих холмов он напоминал своей формой калач. Домик был безмятежен, как в украинской селухе.

Из окон квартиры Моденова открывался вид на таинную усадьбу и на соседские огороды. Впрочем, он не сидел дома, все больше ездил по районам, передавая в Воронеж свои заметки, деятельно помогая: детдом — в хлопотах об инвентаре, колхозу — в культурных нуждах, больнице — в заботе о топливе. В иных случаях Моденову просто не терпелось подползнуть и ускорить рождение нового, выпестовать его своими руками.

Осенью 1946 года пришла в районную агролабораторию Калача зрелая из колхоза «Красная Армия». В этот трудный, засухливший год она сумела вырастить первоклассные семена. Разве не следовало тут вмешаться соборнику?

Он приехал в колхоз «Красная Армия» и об участии Александра Нестеренко написал в «Коммуну». Опыт настоящей зрелой статьи достоинством сотен тысяч читателей. Но и этого было мало: следовало думать о будущем годе. Соборник действительно участвует в обсуждении зрелых новых обязательств, публикует их, устраивает встречи зрелых Нестеренко с людьми других колхозов, печатает запись бесед. Агитация за кандидата в Воронежский областной комитет Александр Нестеренку усилиями собора превращалась одновременно в агитацию за передовые методы его работы.

И с другими пытливцами, ищущими и беспокойными людьми успевал за это время подружиться Моденов: инженер-мелиоратор Бочаров, агроном Богачов, секретарь райкомов, заведующий сельхозотделом вошли в его жизнь.

Не раз беседовал он с инженером Бочаровым об орошении степного края. Февральский Пасхуи ЦК ВКП(б) возложил мечты тысяч людей. Моденов предлагал Бочарову:

— Давайте опубликуем статью об орошении района.

До войны существовали в Калачевском районе небольшие поливные участки. Они были запущены. Надо было не столько их возродить, сколько развернуть новое движение.

Статья Бочарова появилась в воронежской «Коммуне». Вслед за тем четыре человека — председатель райисполкома, зав. сельхозотделом, автор статьи и соборник — отправились в колхоз. Колхоз выбрали имени Чапаева — крепкий, хозяйственный. Председатель его, пожилой человек, тоже, как и Бочаров, как и Моденов, прошедший школу войны, сразу понял, о чем повел с ним разговор.

— Чей выдлет, чей нет, это неизвестно, — сказал он, вздохнув, — а попробовать надо. Раз Дмитрий Чугуевцев собрался пробовать, значит, верил в дело.

С почва чапаевцев и началось возрождение поливных площадей. Следующей весной чапаевцы, подготовив у себя крупные участки для полива, обратились с призывом ко всем колхозникам области.

Они лишь калачевцы обеспечат в этом году поливом 650 га, а по всей области будет орошено 12 тысяч. К концу пятилетия Воронежская область будет обладать 200 тысяч га поливных земель.

Сегодня и партийные работники района, и мелиораторы, и председатели многих колхозов думают о водопользовании колхозах — чирах, о рытье канав, о расчистке устьев, о мелиорации. Рука молодого соборника все время находится как бы на пульсе этого горячего начинания: он следит за сигналами, которые организуют статью, поити на в сельхозотдел поговорить о материалах на «сдачу» в колхоз, — подсказывает Моденову его чутье газетчика и накопившийся опыт.

Таким же народным делом является и борьба за травопольные севообороты, которую, с помощью областной газеты, ведет главный агроном района Богачов. Нужно было близко с ним подружиться, чтобы узнать, о чем мечтает этот неутомимый маленький человек в военной шинели. Нужно было в его борьбе за волево входить в ряды с ним, чтобы во-время послать в газету то статью, то тревожащий сигнал, то сообщение об успехе дела.

Сейчас Богачов борется за предпосылки. На страницах «Коммуны» он сумел доказать, что халача с предпосылками, восстанавливая структуру почвы, повышает урожай самое меньшее в два раза, а с ним как будто никто не спорил.

но далеко не все делали то, что от них требовалось.

Недавно секретарь Воронежского райкома решил образовать Моденова тем, что в крупнейшем колхозе района пант с предпосылками.

— П здоров, брат, пант — красота! — Давайте, с'ездим туда, — предложил соборник.

Имя другие сведения о делах в совхозе, но пути он справился осторожно:

— А если без предпосылок работают — не может этого быть?

— Да брось, пожалуйста! — с сердцем сказал секретарь. — У меня ж сведения верные!

Жестокое огорчение охватило его в совхозе: земля была подготовлена посредственно, предпосылки лежали без дела, отщепенные от плуга.

— Ну, скажите, пожалуйста! — закричал секретарь. — Это же так? — Очистительность?

Соборник сочувственно молчал. Он думал, откуда же перекрест материал в газету. Надо было использовать этот случай для нового удара по разрушителям требований агрономов.

Воронежский блокнот его полон фактами, цифрами и примерами. За все время он не писали — это не в натуре советского корреспондента.

Впрочем, как знает? Может быть, именно в последний раз сообщение о том, что колхозник Небокин в первый день сева посеял 6,5 га? Моденов сообщил об этом по телефону, и на другой день в «Коммуне» появилась статья: «Впервые пример с колхозника Небокина! Слуга два дня из другого угла области соборник Чиликин сообщил: «В нашем районе достигли рекорда 6 га». Прошло еще два дня, и соборник Колосов передал из Ростовца: «Есть 9 га», и тогда Моденов, продолжая его охватывающее всю область соревнование, передал срочно: «У нас в Старой Кривше сеют по 12 га в день!»

Только же беспристрастное наблюдение соборника привнесло эти цифры? Думается, нет: страстное участие каждого из них в развернувшейся соревновании. Газетчик был не наблюдателем, а организатором.

Молодой соборник полон стремлениями служить своему району, быть преданным делу, культурным советским газетчиком. Он это делает, охватывая всю меру своей ответственности, и в немалом из маленьких квартир стала своеобразным центром, куда приходил и учительница, и землевая, и полевой, и директор здешнего молодого театра.

Послушавшие их разговоры и с особенной силой почувствовали, какие крепчайшие нити связывают советскую газету с ее читателями.

Послушавшие их разговоры и с особенной силой поймали, какой всесторонней жизнью живут люди района: колхозники строят заводы, кирпичные и черепичные, закладывая сады, лесозащитные полосы, орошают поля, добывают мел, провозят у себя электричество: люди районного города всем своим опытом, знанием, всей страстью своего сердца участвуют в этом творчестве десятков тысяч простых людей.

Богла наблюдая деятельность собора в районе, видишь, из каких глубоких народных источников восходят идеи и темы газет. У нас еще углубил в литературу и в кино тип бойкого журналиста.

Между тем, работая советской печати является сегодня горячим, самоотверженно-честным участником всеобщего творчества. По временам не зная, возникло ли новое потому, что газета во-время подхватила мелкую ссуду инициативу, или она, наоборот, сумела сама подхватить нужную мысль творца нашей жизни.

«Газета — не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный организатор, — писал В. И. Ленин. — В этом последнем отношении ее можно сравнить с лесами, которые строятся вокруг возводимого здания, намечают контуры постройки, облегчают сношения между отдельными строениями, помогают им распределить работу и обобщают общие результаты, достигнутые организмованным трудом».

Я пишу о молодом соборе Моденов. Но рядом с ним стоят тысячи наших соборников, армия советских газетчиков — честных тружеников-большевиков.

Нужно обладать высоким чувством партийности, хорошо сознавать, какие дела творит наш народ, чтобы служить ему в наши дни пером журналиста.

г. КАЛАЧ.

Воронежская область.

Свободные юры

Мы вспоминаем изл первый печатный орган «Эркин Тоо» («Свободные горы»). Эта газета — колыбель киргизской литературы, до нее не существовало алфавита киргизского языка.

«Эркин Тоо» родился в 1924 году, в год великого преобразования Средней Азии. Провозглашая территориальное размежевание, Киргизия в этом году стала автономной областью, через два года преобразованная в автономную республику, а в 1936 году — в союзную республику. То были дни великой стройки советской Средней Азии, и тогда-то определилось многое в ее будущей культуре.

Я был студентом, учился в Ташкенте. Студенты слышали, что скоро будет издан первый номер киргизской газеты, где она выйдет, — мы не знали.

Седьмого ноября выпала на парад группа студентов-киргизов, учившихся в Среднеазиатском коммунистическом университете им. Ленина. Казахско-киргизский педагогический институт п на рабфаке. На улицах Ташкента, ослепленных еще горячей зеленью тополя, подростки выкрикивали привычные названия узбекской газеты «Кызы Узбекистан» и казахской газеты «Ак-Жол»; вдруг мы услышали название новой газеты, — в ту пору киргизов по-старинному называли кара-киргизами.

Раздавались редкие мальчишеские голоса:

Многоликий газетчик третий орденской степени, редактор областного «Электросила» имени С. М. Киров 1 мая исполнилось 25 лет. Газета «Электросила» широко освещает на своих страницах вопросы партийной и профсоюзной работы, жизнь производства и быт трудящихся.

На сцене: редакционная коллегия обсуждает очередной номер газеты. Слева направо — секретарь редакции А. Зубов, члены редколлегии Г. Гинзбург, В. Родюков, О. Горная, редактор А. Родыкин и член редколлегии технолог Е. Ардашников.

Фото И. Караваева (Фотокорреспондент ТАСС).

Поэзия в газете

Только что мне позвонили из одной редакции: «Товарищ Кирсанов! Намешлите три строфы о новом займе...»

И хотя нужно было писать вот эту статью ко Дню печати, уже запланированную в «Литературной газете», — какое-то привычное чувство обязанности заставляло меня отложить ее и сначала написать для газеты, которой понадобились стихи о займе. Работа над стихотворением, которую я редактирую с нетерпением ждал, для которого наготове держат курьера, звонят, спрашивают, — такая работа вселяет в поэта чувство своей необходимости, реальности участия в деле, которое в тот же час делается тысячей людей, сотни советских учреждений и партийных организаций. Это создает живое ощущение теснейшей связи поэта с общей мучительной деятельностью государства. То, что называлось «радостью творчества», приобретает устойчивый и реальный смысл, — это удовлетворение от видной и зримой работы в обществе для общества. И какими бы успешными ни были задания, стихотворение должно сосредоточить в себе все мастерство и энергию автора. Сила влияния стиха не должна быть ослаблена торопливностью письма. Стихотворение должно быть полновластным царем. Написав о пятилетке в четыре года, и ты отговоришь у времени какую-то секунду!

Поэзия в газете — явление чисто советское. Советскую поэзию в газете не надо смешивать с существовавшим до революции в буржуазной печати и существующим по сей день за рубежом буржуазной прессе низкопробными стихотворными жанрами. Только в революционной большевистской газете, в ленинской «Правде» возникла поэзия Демьяна Бондова, содержание и духом соответствующая тому, что давала в статьях большевистская газета.

В первые же дни после Октябрьской революции стихи буквально ринулись на газетные страницы. И печать, перешедшая в руки рабочего класса, оказалась поэзии широкой, повестные народные гости-приниматели. Поэзия Маяковского обрела в газете, как в достоянии его стихов, народную трибуну. Стихам Маяковского нечего было делать в изящных альманахах и минувших томах. Газета же предоставляла поэту сотни тысяч людей. Газета объявляла поэзию быть массовой. Вот почему ошибается тот, кто считает поэзию в газете особым жанром, «газетной» поэзией. Прозаично не признавая еще одного жанра, а, как говорил Маяковский, — «расширение словесной базы», расширение круга читателей, круга тем, интересов, поэтических средств. Значительность прихода поэзии в газету заключается в том, что стихи в газете сохраняют все свои поэтические качества, но плюс к ним приобретают еще особую остроту реалистичности, конкретности, приземленности во времени, ко дню и, наконец, созвучность со всей массой материала в газете, а значит, и с общественными интересами, отраженными в этом материале. Что теряет поэзия в газете? Абстрактность, субъективистскую замкнутость, отрывленность тем, — именно то, что поэзия обязательно надо было терять!

Газета, предавшаяся к поэту требованиям земной, грубой, осязаемой реальности, влияла на формирование поэтов новой советской поэзии. Поэт обязан был погрузиться в экономические сводки, в цифры планов строительства нашей страны. Не будучи хорошо ориентированным в политике, поэт неизбежно оказывался бы несостоятельным тогда, когда острый политический момент потребовал от него выступления в печати. Таким образом, у нас почти исчез доселе распространенный тип курдючного аваржистского богемника и утвердился новый тип поэта — общественного деятеля, народного вождя и народного сауги.

Если бы мы задались целью выяснить, какое влияние оказала газета на творчество Маяковского, — мы бы увидели, что он без газеты не мог стать тем Маяковским, которого мы сейчас знаем. Да, Маяковский первый ушел из «барских салонов поэзии, бабы кайрашной», и газета, советская ежедневная газета для рабочих и крестьян, для партийных и беспартийных советских патриотов, повела его в кипучую жизнь строк и заводов, развернула перед ним панораму с бурными делами, познакомила его с передовой советской общественностью, с бытом общечеловеческих, клубов, столовых, парков и стадионов. Газета дала поэту писателя-рабочего и селькора, потребовала от него глубокого знания жизни, ясного понимания политической обстановки, перспектив, теснейшей связи с планами и делами партии, обостренного чувства нового и, наконец, — без чего нельзя обойтись, — помогла утолить его желание во всем участвовать, во всем вмешиваться.

Литература знает поэтов одной темы — таких было немало в прошлом. Но уж если поэт пошел в газету, то либо газета должна будет перейти «на одну тему» и потерять всех своих подписчиков, либо поэту придется заняться многими темами. Между прочим, вспоминаю того, что поэзия в газете не жанр, не спичение, а, напротив, повышение ее звучания, мешает многим поэтам по-настоящему писать в газете, создает двойственность в работе поэта. Так, например, поэт в журналах не имеет название лирические стихи с оттенком стилизованности. В газетах тот же поэт печатает стихи с разбитыми строчками, расположенными лестничкой, не похожие на стихи этого поэта в журналах.

Правильно ли такое положение? По моему мнению, глубоко неправильно. Хорошие стихи, достойные газеты, достойны быть напечатанными в журнале и в книге поэта. Газета же имеет перед журналом то преимущество, что дает поэту возможность выступать в день события, в самом разгаре общественного явления. Кроме того, газета имеет спичение, возмездие поэта в гущу жизни, в то время как журнал часто смотрит на поэзию с несколько ограничено-литературной точки зрения. Вот почему Маяковский редко давал свои стихи в толстые журналы. Да не поймёт это, как выступление против журналов. Напротив, хотелось бы, чтобы и журналы стали предъявлять к стихам «газетные требования».

Стихотворение, тема и мысль которого находятся за пределами общественных интересов, обязательно будет выглядеть в газете чем-то вроде губной помады рядом с босыми ногами в ружейной обложке. Это очень хорошо почувствовали поэты, бывшие «газетными». Газетность они боялись, а в газете печатались хотелось. Вот из стихов и печаталась на специальных литературных страницах, дабы не смешивались «козлята с овсянкой», шопоты муш — с бунтарскими статьями материалами. Маяковский не терпел, как он однажды выразился, «литературных излитаний» и сам не желал быть этикетным стихотворением. Он больше всего любил, когда стихотворение превращалось в статью, с политической речью — актуальностью своей темой, броскостью и точностью политических формулировок: он стремился к тому, чтобы как можно больше строк было «расхвачено на запчасти» и пытался. Он оказался, что наиболее газетные стихи («волонтеры») являлись многоголосными, долговечными, поэтичными. За Маяковским в газету шли и другие советские поэты, сообщая своим творчеством всему советскому поэтическому движению острое чувство, обобщающее поэзию с партийной журналистикой, с ре-

Фото И. Караваева (Фотокорреспондент ТАСС).

Слово хозяина

НЕПОЛИВНОЕ ХЛОПКО

В предвоенные годы, — пишет кандидат сельскохозяйственных наук В. Рейнгардт, — без полива выращивалось на юге РСФСР и Украины сотни тысяч гектаров хлопчатника. Он давал ежегодно миллионы пудов хлопка-сырца. Средние урожаи были 3,4 центнера с гектара — выше, чем в Индии. Колхозы, севшие неполивной хлопком, получали мизерные доходы. В одной лишь Сталинградской области доход хлопководческих колхозов был так велик, что они построили дворец культуры со зрительным залом на 1.200 мест и враппающейся сценой, организовали симфонический оркестр, купили планеры и даже учебный самолет.

После войны посевы хлопчатника в наших степных районах резко сократились. Но и сейчас, когда вся страна успешно восстанавливает разрушенное войной хозяйство, ничего не делается для возрождения ценнейшей культуры.

В Министерстве сельского хозяйства СССР, сообщает тов. Рейнгардт, нет ни одной живой души, которая персонально ведала бы хлопководческим хлопком. Как и двадцать лет назад, говорят о засухе, мечтают получать высокие урожаи, хотя жизнь давно уже опровергла эти басни.

Не в засухе дело, а в недостатке внимания к хлопку в неполивных районах, в равнодушии к нему сверху донизу — от министерства до МТС.

В ЕВПАТОРИЙСКОМ ПОРТУ

Г. Морозов, нахаживатель порта Евпатория, выражает в своем письме беспокойство в связи с тем, что порт, разрушенный немскими оккупантами, очень медленно восстанавливается. Все работы, какие можно было сделать местными силами, давно выполнены, а со стороны Министерства морского флота, кроме обещаний, никакой помощи нет.

Министерство обещало нашему порту два судна, — пишет тов. Морозов, — они даже были заказаны заводу имени Марти, но до сих пор мы их не получили. Впрочем, это не мешает министерству ежегодно составлять план перевозок для несуществующих судов.

Любопытно, что заказанные суда уже давно готовы, и порт не может их получить лишь потому, что планово-финансовое управление министерства, уже планируя доход с несуществующих судов, никак не собирается оплатить заводу их стоимость.

Как говорится: правая рука не велает, что творит левая!

ИТАК, Я ЖИЛ ТОГДА В ОДЕССЕ...

От вокзала до Приморского бульвара, где стоит памятник Пушкину, протянулась одна из красивейших улиц Одессы. Знали, а дома № 13, жил в 1923 году великий русский поэт. Одесские назвали эту улицу Пушкинской.

Нескучные оккупанты сожгли памятник дому. Угнетала липы фасады стены с маржорной мемориальной доской.

В знак всепроникновенной любви к поэту, — пишет из Одессы П. Карась, — предлагаем восстановить этот дом и создать в нем пушкинский музей.

УНИВЕРСИТЕТ В ТАДЖИКИСТАНЕ

В Сталинабаде открывается первый в Таджикистане и 32-й в Советском Союзе государственный университет.

Ректор университета доктор исторических наук тов. Зариф Рахмонов в беседе с корреспондентом «Литературной газеты» заявил:

Таджикское правительство ассигновало на создание университета семь миллионов рублей. Нам передано одно из самых красивых зданий столицы. В этом году будут организованы факультеты: физико-математический с химическим отделением, биологический, географо-геологический и историко-филологический. На восточном отделении историко-филологического факультета создаются три группы — иранская, турецкая и арабская. Они подготовят специалистов-востоковедов по истории и филологии Востока.

Желание таджикской молодежи учиться в своем национальном университете огромно. На 200 мест первого курса уже подали свыше 450 заявлений.

Тов. Рахмонов сообщил, что при университете создаются большая научная библиотека, музей и типография. Кроме основного здания, в котором будут расположены лекционные залы, научные кабинеты и лаборатории, университет получает хорошо оборудованное студенческое общежитие, клуб и другие бытовые учреждения. В будущем намечена организация научно-исследовательского института.

В этом отделе мы высмеивали пережитки национализма, родовых группировок, представлявших собой бедствие народа, бичевали калмы, многообразие, язычничество, тугой фальшам. Многие заметки этого отдела являлись как бы либретто к позднейшим серьезным произведениям.

Теперь газеты издают во всех областях, районах республик, а книги — беллетристика и поэзия — выходят в «Киргизгизе».

В Институте языка, литературы и истории при филиале Академии наук СССР большую работу ведут киргизские писатели, многие из них — давшие кружковым «Красной искры»; это кандидаты филологических наук Тазабек Саматчинов, Хусанн Карасаев, научные работники Касымалы Байлинов, Ташим Байлинов и другие. Они создали первые киргизские словари, биографии знаменитых акынов, исследование живого языка, многие лингвистические труды.

Заместитель председателя филиала Академии наук Халпар Шукуров тоже вышел из рядов сотрудников газеты «Эркин Тоо», впоследствии перечисленной в «Кызы Кыргызстан».

От первой буквы, отлитой для нашей киргизской алфавитной, до нового, только что вышедшего алфавита, мы, киргизские писатели, живем делами печати нового типа, связанные с народом, учащиеся у народа живому слову.

Сквозь столетия

Алишер Навои. Иллюстрация из книги А. Навои «Фархад и Ширин», вышедшей в Казани в украинском переводе М. Вазана.

«Видим страдания большого народного гора, и его песенным является, как сказал о другом поэте А. М. Горький, «действительным песенником», ибо Навои знал ненавидеть бесцеремонные законы средневекового Востока».

Чем объяснить живучесть образов Навои, неумирающую силу его голоса?

Чудесные образы, созданные в монументальных творениях Навои, рыцари любви и верности, правдолюб и строители, поэты и подковники, юноши и девушки — Фархад, Мелжун, Искандер, Мейли, Ширин, — выражали лучшие стремления народа, возмущали на поиски счастья и правды. Лирический герой поэм Навои жил в мыслях и сердцах узбекского и других восточных народов. В гоубе поэта слышалась поэзия могущества нескрупулезного духа, пафос жизни, нежность любви, смелые надежды, гневный протест против окружающей среды и воспевание земного счастья, тревогу о родной земле и боль за оскорбленных. Образы, так естественно созданные поэтом, вошедшие в народ, выражали лучшие качества народной души, мечту поколений о светлой жизни.

Творения Навои выдержали испытание временем потому, что чувства, тревоги, мысли его героев не теряли своего значения для многих последующих поколений; вопросы, которые волновали этих героев, в течение пяти столетий волновали народ. Поиски правды и счастья, прав на лучшую человеческую жизнь всегда были «забытой дилеммой» для народа. Конечно, самые эти вопросы не могли быть решены идеалистическими верованиями поэта в чудотворную силу доброго слова. Но поэт напоминал обществу о желанных, еще не достигнутых задачах. В этом была его великая заслуга, как «вечно добротворец совести времени».

Вопросы, которые так остро волновали героев Навои, теперь давно уже решены — и решены совершенно иными, революционными способами. На землях наших народов — в том числе и в стране узбеков — навсегда кануло в вечность пасмурное общество с их тронами, уничтожены несправедливость и гнет, рабство женщин, тунеядство, искоренено мракобесие, дышит человеческая деятельность.

Но и в наши дни вдохновенно звучит непреходящая сила поэтического гения Навои. Мы, свободные, гордые потомки, полны глубокой благодарности великому предку за благородные мечты. Бессмертные творения, созданные им, — богатейшая энциклопедия прошлого Среднего Востока. Вечно неуязвима их эстетическая ценность. Навои преодолел узкие рамки восточных и классовых предрассудков и поднялся до восприятия лучших человеческих чувств.

Разумеется, не все, что было создано поэтом, может быть просто перенесено в арсенал нашей социалистической культуры. Мы изучаем творчество Навои во всех его проявлениях и противоречиях, мы критически осваиваем его наследие и применяем на вооружение лишь передовое и светлое из этого наследия. А светлое и передовое было главным в его творчестве.

Приближаются дни горестивой даты — 500-летия со дня рождения Алишера Навои. И мы, его потомки, под влиянием большевистской партии превращаем в жизнь вековые мечты о свободном и справедливом человеческом обществе, глядя на портрет замечательного поэта-гуманиста, можем воскликнуть:

— Ой Алишер, ты мечтал не напрасно! Счастье человеческое и общество друзей людей на нашей земле стало бытием. Мы вспоминаем о тебе добрым словом.

Бам Ку. Шумно рекламируются сочинения профессора Бейфера, автора книг «Как быть с Японией?», «Дилемма, стоящая перед нами», «Нужно ли воевать в Азии?», «Китай — гибель цивилизации», «Основы мира на Дальнем Востоке». Все это книга-варваризм на одну и ту же тему: только американская демократия может спасти Восточную Азию.

Всегда за корифеями выступают батальоны корреспондентов-турнистов. На этот раз они не успевают своих читателей рассказать о летчиках с «разоблащенными глазами», которых, мол, нечего бояться. Теперь они стараются всецело загрузить публику рассказами о грозных событиях на западных берегах Тихого океана — о событиях в Китае, Корее и Японии, вступивших после войны в новую фазу истории, фазу борьбы за подлинную демократию.

В советской литературе не может быть подобных книг. Однако интерес к Дальнему Востоку наших читателей велик и пока еще мало удовлетворен.

Вот почему заслуживает внимания только что вышедшая в свет книга Льва Рубинштейна «На сопках Маньчжурии». В ней рассказывается о том, как осенью 1945 года была разгромлена японская Квантунская армия и ее империя.

Захватив в 1931 году Маньчжурию, японцы создали так называемый Маньчжун-дэн-го — Маньчжурскую империю. Главой империи был назначен бывший всесильный император Пу И. Его поместили во дворец, в стенах которого были устроены «глазки». Через эти «глазки» за его величеством наблюдали японские надзиратели. «Империя», граничившаяся с СССР на протяжении 2.800 километров, была превращена в военную базу, плацдарм которой превращала территорию собственно Японии, Франции, Бенгалии и Тринидада вместе взятых, — территорию всего «западноазиатского союза» Бельгия — Блю. И пословица в империи была размещена отборные японские дивизии, предназначенные для того, чтобы осуществить лозунг генерала Араки: «Возвратить японский флаг на Урал».

История «Маньчжурской империи» — это история подготовки войны с СССР, история неслыханных провокаций на границах СССР и Внешней Монголии. «Империя» Квантунской армии просуществовала с 1931 года по 1945 год. В августе 1945 года Советский Союз, выполняя союзническое обязательство, вступил в войну на Дальнем Востоке. Советские войска начали операцию 9 августа, и к 23 августа капитуляция в Маньчжурии была закончена. «Империя-плацдарм» просуществовала че-

Выставка иллюстраций к произведениям А. М. Горького

В зале московского отделения Союза советских художников открылась выставка работ мастеров советского изобразительного искусства — иллюстраций к произведениям А. М. Горького. На выставке, организованной Союзом художников и Литературным музеем имени А. М. Горького, экспонировано около 150 произведений.

Особый раздел посвящен графическим произведениям на темы «В. И. Ленин и А. М. Горький» и «В. И. Ленин и А. М. Горький» работы Г. Верейского и М. Полякова.

Представлены также ряд портретов великого русского писателя, исполненных П. Коринным и И. Соколовым.

Большой интерес посетителей вызывают иллюстрации Б. Дехтерева к повести «Детство», за которые в прошлом году он был удостоен Сталинской премии, и его же рисунки к повести «В людях», к рассказам «Страсти-мордасти», «26 и один».

Роман А. М. Горького «Дело Артамоновых» привлекает к себе творческое внимание таких крупных мастеров искусства, как Д. Шмаринов, С. Герасимов и других, выставивших серии интересных иллюстраций к этому произведению.

Выделяются работы Б. Иогансона — иллюстрации к повести «Мать» и Курьяникова — к роману «Жизнь Клима Самгина». Выставка продлится до 7 мая.

По следам выступлений

«Литературной газеты»

«ЭТО НАШЕ ДЕЛО»

31 марта с. г. под таким заголовком было напечатано письмо человека тов. Харькова, в котором он сообщил, что председатель колхоза им. М. Горького К. Шахмелев разорвал колхозную пасеку, а прокурор Адлерского района тов. Ключков отказался привлечь виновника к ответственности.

В ответ на это письмо зам. прокурора Краснодарского края тов. Алексеев сообщил редакции «Литературной газеты», что факты, указанные в письме, подтвердились. Бывший председатель колхоза К. Шахмелев привлечен к уголовной ответственности по закону от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Вопрос об ответственности прокурора Адлерского района тов. Ключкова будет рассмотрен в ближайшее время.

«РЕДАКТОР — ДЕЯТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ»

Так называлось открытое письмо группы писателей и редакторов, опубликованное в № 23 «Литературной газеты» от 20 марта нынешнего года. В связи с этим письмом в Отделе состоялось широкое обсуждение работы редакторов в издательстве.

Совещание признало правильной критику существующей системы организации редакторского труда и установило, что Отделом и его издательством еще не выполнены постановления ЦК ВКП(б) от 5 октября 1946 г. в отношении постановки редакционно-издательского дела. Работа по повышению идейно-политического уровня редакторов организации недостаточна, слаб контроль за качеством редактирования, в издательствах редко проводятся обсуждения творческой и производственной работы редакторов, им не созданы элементарные условия, обеспечивающие продуктивную деятельность.

Совещание приняло ряд решений по улучшению работы редакторов и повышению их ответственности за издаваемую литературу.

Заведующий Отделом А. РЕВИН.

Олег ЭРБЕРГ

Я знал редактора газеты «Прогресс» Афганистана задолго до того, как мы встретились с ним в летнем кафе позади гробницы Али.

Газета, которую он редактировал, печаталась на литографском станке, была на четырех страницах форматом немногим больше контурной тетради и выходила один раз в неделю.

В редакционном объявлении сообщалось, что газета печатает статьи литературного, исторического и правового содержания, что непереносимые рукописи уважаемых авторов будут возвращены и что подписка на газету за пределами Афганистана исчисляется английскими фунтами.

Под газетным заголовком выделялся опрокинутым полумесяцем каллиграфическая вязь:

«Управляющий и главный редактор — Мухаммед Сарвар Бескортестный».

Каждую пятницу ко мне заходил старик с жилистой, почти не сгибающейся шеей, придававшей ему горделивую осанку, и всегда носивший чистую, некогда голубую, но потемневшую от частой стирки чалму.

Старик приносил мне еще пахнущую краской номер «Прогресса Афганистана» и задерживался у меня не больше, чем полагалось, чтобы выпить полчаши чай.

Он состоял в штате редакции, работал на литографском станке, печатая тираж, а затем разносил номера газет городским подписчикам.

В пятничный вечер я засиживался дольше обычного за керосиновой лампой, прочитывая от строки до строки всю газету. На первой странице газеты я находил обыкновенно королевские «фирманы» по случаю религиозных праздников или благополучного подавления восстания, всыпавшего среди какого-нибудь племени.

Затронутое сообщением покаяния со стороны столичной кабульской газеты, научный раздел заголовка из номера в номере историей Афганистана, заимствованной из британской энциклопедии 1875 года, а местами жизнь отражалась в различных мероприятиях губернатора или городского головы, причем чаще всего повторялись уведомления о смещении чиновников, о ремонте одной из тридцати шести мечетей города, о наказаниях палками в количестве ударов, предписанном шариатом, о приеме губернатором влиятельного ишана* или приехавшего в город хана, имеющего власть над своим племенем.

Случай свел меня с редактором Мухаммедом Сарваром в канун приезда нового губернатора.

Кафе, в котором мы встретились, находилось посреди обширного сада, прилегающего к гробнице Али, называемой также гробницей «Лияри сарай».

Юноша в белой чалме, в не очень опрятной белой сорочке, перехваченной красным кушаком, бесшумно ступая босыми ногами по ковру, подал нам винограды, свежие огурцы и розовое варенье. Поднос с угощением он поставил перед нами на высоком раскладном столике.

«Все дело в губернаторе», — говорил мне редактор, старательно срывая кожурку с толстого огурца. — Да, сар, все дело в губернаторе. Если он друг прогресса и желает процветания родины, то и газета в его провинции может служить на пользу народу.

У редактора был длинный, загнутый книзу нос, маленькие, узкие глаза цвета персидского миндаль и несоизмеримо короткая рука.

Всем своим обликом и движениями он напоминал вертлявого Хасана из народного кукольного театра.

Нарезав огурец на продолговатые дольки, редактор продолжал:

«И газета тогда, сар, критика местные порядки, будет помогать губернатору во всех его прогрессивных мероприятиях. При прежнем губернаторе критика была невозможна, потому что он был очень отсталых взглядов и держался старых обычаев. — Редактор понизил голос. — Англичане одобрили его взгляды, и поэтому он долго засиделся в нашей провинции. — Можешь ли, я вас спрашиваю, свободно писать рукой, прикованной цепью к тюремным воротам?»

Редактор, видимо, сменивший не так давно просторный халат на костюм, стал подтягивать на локтях в без толку укороченные рукава, как будто они стесняли свободу его движений.

Вот нам пример. Прежний губернатор требовал, чтобы по праздникам у него собирались все чиновники. Это старинный обычай, и никто не осмелился его нарушить, даже если бы в этот день у каждого в доме стряслась беда. Иногда к столу подавался плод. Но никто не отважился прикоснуться к нему, пока первым не отведает его губернатор. Сытый хозяин не торопится, шутит по поводу жаркой погоды или над кем-нибудь посмеивается. Он очень любил смеяться над рыжим лицом почтового чиновника. Плод стывает, а голодные гости стараются друг друга перекусать и делают вид, будто их совсем не интересует еда. Однажды я опробовал нарушить этот обычай и взял со стола ломтик лепешки, прежде чем губернатор застукал свою горсть в блюдо с плодом. И что же получилось? Он сразу возненавидел меня. — Редактор наклонился в мою сторону. — Господин губернатор даже написал донесение в Кабул о том, что я своим неблагонадежными мыслями смущаю чиновников.

Редактор обмолнул две долгие огурца в розовое варенье и одну из них подал мне. — Поглядите сюда, — сказала он, — показывая на поваленный двухсотлетний платан, могучий ствол которого был расщеплен поперек на несколько частей. Его выкорчеванные красноватые корни высочивались из воронок исполоскившихся земли.

«Это дело рук городского головы. Он задался переустройством сада по своему вкусу. Он очень любит цветы и хотел на месте теневых платанов посадить «пугушные гроби». В саду должны быть только цветы и ни одного дерева — так считал господин городской голова. Клянусь богом, сар, он привел бы в исполнение свое намерение, если бы не вмешались главные ишан. — Редактор кинул в сторону гробницы. — Он сказал ему: «Корни деревьев потому красные, что налиты кровью. Это святые деревья, осеняющие гробницу, и их нельзя трогать». Конечно, городской голова не захотел после этого рубить платаны. Он даже заматывал свой треп на платанах перед гробницей, потому что не решался войти внутрь храма из боязни разгневать Паря святых.

Словом, сар, — заметил я, — не перо редактора газеты, а главный ишан спас эти чудесные платаны.

Редактор приподнял из-за высокого столика и замалал своими короткими руками, как деревянная кукла, высунувшаяся из-за пирамиды.

Городской голова, — заговорил я, явно волнуясь, — обмолвил же мое перо зубами, если бы я осмелился коснуться подола его высокой должности! Он был слишком дружен с господином губернатором. — Об ишанах мне не говорил? У них зубы еще острей.

Редактор схватился за поясницу, скорчив гримасу боли.

* Музыкантское законодательство, основанное на коране.

** Высшее музыкальное духовное лицо.

Вот так и проходил мой вечер. Редактор говорил, говорил, говорил, и я слушал, слушал, слушал, и мне казалось, что я слышу не только его голос, но и голос его провинции, и голос его народа.

На следующий день, когда уже спала жара, ко мне пришел старик из редакции и принес свежий номер «Прогресса Афганистана».

Старик выглядел утомленным. За часовой час он объяснял мне, что сейчас только закончил печатать газету, что этот чрезвычайный номер рассылается подписчикам в пятницу и чтобы в пятницу, как всегда, ожидал очередного выпуска газеты.

Первая и вторая страницы чрезвычайного номера «Прогресса Афганистана» были убористо исписаны стихами, сложенными в честь нового губернатора. И все же эта лживейшая «касида» не уложившись в отведенном ей месте, и окончание ее было обещано в следующем номере.

Я выбрал из нее лишь небольшой отрывок, который, как мне казалось, с наибольшей ясностью раскрывает поэтический замысел автора, и привожу его, придерживаясь текстуральной точности:

«Поча не снизойдет любовь пророка, Ни у кого в делах не будет прока. Из роши, что возрастал всеблагостный планатор. Как стройный кипарис, пришел к нам губернатор. Неужество изгонит прочь сей друг прогресса.

Как волна гонит заль из векового леса... Автором стихов был редактор газеты, о чем свидетельствовала его подпись, сделанная с большим нажимом пера: «Мухаммед Сарвар Бескортестный».

Вся остальная часть газеты была заполнена подробным описанием церемонии встречи губернатора и представления ему чиновников.

И только в самом конце последней страницы мне едва бросилась в глаза написанная мелким почерком заметка под названием: «Наш совет высокоуважаемому господину городскому голове».

В ней говорилось:

„ДРУГ ПРОГРЕССА“ Рассказ

— Вам неизвестно об этом случае. Вы тогда еще не были подписчиком моей недостойной газеты.

Он прожевал смоченный в варенье огурец и продолжал более спокойно:

— У нас бывает ежегодный праздник, сар, в честь благословенной гробницы. И в этот день кто-нибудь обязательно исцеляется от своего недуга: одержимый паршой перестает чесаться, или слепой прозревает, или калека навсегда расстается со своими костылями. А тот, кто еще не избавился от хромости, старается пожертвовать в пользу гробницы больше денег, чтобы приобрести костыли исцеленного, потому что у него тогда появляется много надежд на исцеление в будущем году.

Я верю во всеисцеляющую силу Паря святых. И было бы грехом не верить. Но в прошлом году произошел неожиданный случай. Главный ишан объявил о прозрении слепого, и я пошел поглядеть на чудо. Прозревшего посылал в темную келью, чтобы он постепенно привыкал смотреть на суестьность этого мира. Возле его кельи все время толпились люди и бросали деньги в кружку, выставленную главным ишаном. И я соорудил тогда, что прозревшего еще много дней придется сидеть в темной келье, пока его выпустят сунуться в этот мир. Все же я приготовил свою кружку, чтобы бросить ее в кружку, и тут же заглянул в келью через крохотную форточку. Я сразу же узнал сидевшего там нищего, который постоянно просил подаяние у северных городских ворот. Я хорошо знал этого плута. Он покупал у моего знакомого аптекаря клей ашиневого дерева и заклеивал себе веки. И я, да простит меня бог, не бросил свою кружку в кружку, а опустил ее обратно в карман и поспешил в редакцию. В ближайшем номере моей газеты появлялась заметка под заголовком: «Досадное недоразумение». Я писал о том, что большой грех мусульманину обманывать народ, злоупотреблять щедростью благоденствия правды Али и что старый пройдоха своим постыдным поступком ввел в заблуждение высокочтимого главного ишана... И что же получилось?

Редактор остановился, задержав на мне выразительный взгляд своих маленьких миндалевидных глаз.

«Двадцать семь уларов палки, сар, было мне наградой за это. Я их получил по приказу господина губернатора. А количество ударов ему посоветовал главный ишан: он ведь хорошо разбирается в законах шариата».

Редактор снова дотронулся до поясницы. — Вот здесь, — сказал он, — я всегда чувствую боль, будто почка оторвалась от своего места и ушла в глубь живота... Нет, при новом губернаторе этого больше не повторится. Новый губернатор любит прогресс, как орел — подсолнух. И мое перо же никто не будет сдерживать, как кому не придет в голову сдерживать реальный бет коня по время игры «е погоню за козленком».

«А уверены ли вы, — прервал я редактора, — что и новый губернатор назначен не без одобрения англичан?»

Тут к нашему столу подошел молодой человек с алыми щеками. На нем была такая же тесная европейская костюм, как у редактора, но на голове он носил чалму. Это был писарь редакции, на обязанности которого лежала каллиграфическая переписка газетных страниц для отправки на литографском камне.

Великую кашпуну, он обратился к своему начальнику:

«Сар, городской голова требует к себе всех чиновников для обсуждения порядка встречи господина нового губернатора при его въезде в город».

Редактор тотчас же поднялся из-за стола, опираясь на голову шапки и наваливая ее на уши. Он стал со мной торопливо прощаться, настойчиво приглашая зайти к нему в редакцию в ближайшие же дни.

Возвращаясь домой узким и запутанным переулками, когда уже стемнело, Споткнувшись о завалы выбоины и наталкиваясь на завалы обветшалых глиняных стен, я размышлял о том, как хорошо было бы, если бы городской голова, вместо востребования вековых платанов, приложил свою деятельность к благоустройству улич.

Выйдя на перекресток торгового улича и увидев, ведущей к губернаторскому дому, я заметил в темноте необычное явление. В этот поздний час лавочники воздвигли возле своих лавок, украсив их павлиньими колючек, другие подберили в подолы рубашки комочки глины, мелкий щебень и разный мусор. И все они шаряли по земле руками, наощупь отыскивая гвозди из подков, оброненные лошадиными в ослими, чтобы эти гвозди случайно не вознялись в покрывши автомашину, на которой утром должен был въехать в город новый губернатор.

На следующий день, когда уже спала жара, ко мне пришел старик из редакции и принес свежий номер «Прогресса Афганистана».

Старик выглядел утомленным. За часовой час он объяснял мне, что сейчас только закончил печатать газету, что этот чрезвычайный номер рассылается подписчикам в пятницу и чтобы в пятницу, как всегда, ожидал очередного выпуска газеты.

Первая и вторая страницы чрезвычайного номера «Прогресса Афганистана» были убористо исписаны стихами, сложенными в честь нового губернатора. И все же эта лживейшая «касида» не уложившись в отведенном ей месте, и окончание ее было обещано в следующем номере.

Я выбрал из нее лишь небольшой отрывок, который, как мне казалось, с наибольшей ясностью раскрывает поэтический замысел автора, и привожу его, придерживаясь текстуральной точности:

«Поча не снизойдет любовь пророка, Ни у кого в делах не будет прока. Из роши, что возрастал всеблагостный планатор. Как стройный кипарис, пришел к нам губернатор. Неужество изгонит прочь сей друг прогресса.

Как волна гонит заль из векового леса... Автором стихов был редактор газеты, о чем свидетельствовала его подпись, сделанная с большим нажимом пера: «Мухаммед Сарвар Бескортестный».

Вся остальная часть газеты была заполнена подробным описанием церемонии встречи губернатора и представления ему чиновников.

И только в самом конце последней страницы мне едва бросилась в глаза написанная мелким почерком заметка под названием: «Наш совет высокоуважаемому господину городскому голове».

В ней говорилось:

«Вам неизвестно об этом случае. Вы тогда еще не были подписчиком моей недостойной газеты».

Он прожевал смоченный в варенье огурец и продолжал более спокойно:

«У нас бывает ежегодный праздник, сар, в честь благословенной гробницы. И в этот день кто-нибудь обязательно исцеляется от своего недуга: одержимый паршой перестает чесаться, или слепой прозревает, или калека навсегда расстается со своими костылями. А тот, кто еще не избавился от хромости, старается пожертвовать в пользу гробницы больше денег, чтобы приобрести костыли исцеленного, потому что у него тогда появляется много надежд на исцеление в будущем году».

Я верю во всеисцеляющую силу Паря святых. И было бы грехом не верить. Но в прошлом году произошел неожиданный случай. Главный ишан объявил о прозрении слепого, и я пошел поглядеть на чудо. Прозревшего посылал в темную келью, чтобы он постепенно привыкал смотреть на суестьность этого мира. Возле его кельи все время толпились люди и бросали деньги в кружку, выставленную главным ишаном. И я соорудил тогда, что прозревшего еще много дней придется сидеть в темной келье, пока его выпустят сунуться в этот мир. Все же я приготовил свою кружку, чтобы бросить ее в кружку, и тут же заглянул в келью через крохотную форточку. Я сразу же узнал сидевшего там нищего, который постоянно просил подаяние у северных городских ворот. Я хорошо знал этого плута. Он покупал у моего знакомого аптекаря клей ашиневого дерева и заклеивал себе веки. И я, да простит меня бог, не бросил свою кружку в кружку, а опустил ее обратно в карман и поспешил в редакцию. В ближайшем номере моей газеты появлялась заметка под заголовком: «Досадное недоразумение». Я писал о том, что большой грех мусульманину обманывать народ, злоупотреблять щедростью благоденствия правды Али и что старый пройдоха своим постыдным поступком ввел в заблуждение высокочтимого главного ишана... И что же получилось?

Редактор остановился, задержав на мне выразительный взгляд своих маленьких миндалевидных глаз.

«Двадцать семь уларов палки, сар, было мне наградой за это. Я их получил по приказу господина губернатора. А количество ударов ему посоветовал главный ишан: он ведь хорошо разбирается в законах шариата».

Редактор снова дотронулся до поясницы. — Вот здесь, — сказал он, — я всегда чувствую боль, будто почка оторвалась от своего места и ушла в глубь живота... Нет, при новом губернаторе этого больше не повторится. Новый губернатор любит прогресс, как орел — подсолнух. И мое перо же никто не будет сдерживать, как кому не придет в голову сдерживать реальный бет коня по время игры «е погоню за козленком».

«А уверены ли вы, — прервал я редактора, — что и новый губернатор назначен не без одобрения англичан?»

Тут к нашему столу подошел молодой человек с алыми щеками. На нем была такая же тесная европейская костюм, как у редактора, но на голове он носил чалму. Это был писарь редакции, на обязанности которого лежала каллиграфическая переписка газетных страниц для отправки на литографском камне.

Великую кашпуну, он обратился к своему начальнику:

«Сар, городской голова требует к себе всех чиновников для обсуждения порядка встречи господина нового губернатора при его въезде в город».

Редактор тотчас же поднялся из-за стола, опираясь на голову шапки и наваливая ее на уши. Он стал со мной торопливо прощаться, настойчиво приглашая зайти к нему в редакцию в ближайшие же дни.

Возвращаясь домой узким и запутанным переулками, когда уже стемнело, Споткнувшись о завалы выбоины и наталкиваясь на завалы обветшалых глиняных стен, я размышлял о том, как хорошо было бы, если бы городской голова, вместо востребования вековых платанов, приложил свою деятельность к благоустройству улич.

Выйдя на перекресток торгового улича и увидев, ведущей к губернаторскому дому, я заметил в темноте необычное явление. В этот поздний час лавочники воздвигли возле своих лавок, украсив их павлиньими колючек, другие подберили в подолы рубашки комочки глины, мелкий щебень и разный мусор. И все они шаряли по земле руками, наощупь отыскивая гвозди из подков, оброненные лошадиными в ослими, чтобы эти гвозди случайно не вознялись в покрывши автомашину, на которой утром должен был въехать в город новый губернатор.

На следующий день, когда уже спала жара, ко мне пришел старик из редакции и принес свежий номер «Прогресса Афганистана».

Старик выглядел утомленным. За часовой час он объяснял мне, что сейчас только закончил печатать газету, что этот чрезвычайный номер рассылается подписчикам в пятницу и чтобы в пятницу, как всегда, ожидал очередного выпуска газеты.

«Вам неизвестно об этом случае. Вы тогда еще не были подписчиком моей недостойной газеты».

Он прожевал смоченный в варенье огурец и продолжал более спокойно:

«У нас бывает ежегодный праздник, сар, в честь благословенной гробницы. И в этот день кто-нибудь обязательно исцеляется от своего недуга: одержимый паршой перестает чесаться, или слепой прозревает, или калека навсегда расстается со своими костылями. А тот, кто еще не избавился от хромости, старается пожертвовать в пользу гробницы больше денег, чтобы приобрести костыли исцеленного, потому что у него тогда появляется много надежд на исцеление в будущем году».

Я верю во всеисцеляющую силу Паря святых. И было бы грехом не верить. Но в прошлом году произошел неожиданный случай. Главный ишан объявил о прозрении слепого, и я пошел поглядеть на чудо. Прозревшего посылал в темную келью, чтобы он постепенно привыкал смотреть на суестьность этого мира. Возле его кельи все время толпились люди и бросали деньги в кружку, выставленную главным ишаном. И я соорудил тогда, что прозревшего еще много дней придется сидеть в темной келье, пока его выпустят сунуться в этот мир. Все же я приготовил свою кружку, чтобы бросить ее в кружку, и тут же заглянул в келью через крохотную форточку. Я сразу же узна

Об американских мастерах культуры,
подписавших ответ советским писателям

В предыдущем номере «Литературной газеты» был опубликован ответ американских мастеров культуры на открытое письмо советских писателей — «С кем вы, американские мастера культуры?» Это ответное письмо — «За мир и демократию!» — подписали 32 человека — писатели, журналисты, художники, композиторы, деятели науки Союзных Штатов Америки.

Имя Говарда Фаста, автора исторического романа «Последняя граница», переведенного недавно на русский язык, хорошо известно советскому читателю. В последнем романе «Кларконт» Фаст показывает борьбу рабочих за свои права в одном из небольших фабричных городов Америки. Прогрессивная деятельность Фаста была поводом пресловутой комиссии по расследованию антиамериканской деятельности приговорить его к трехмесячному тюремному заключению и штрафу в 500 долларов.

Драматург Арне Дюссес также широко известен в СССР: он один из авторов пьесы «Глубокие корни», рисующей чудовищное положение негров в Южных Штатах Америки.

Поэт и публицист Айседора Шнейдер — переводчик стихов Маяковского на английский язык; он много сделал для пропаганды советской культуры в США. Писатель-негр Льюис Браун — участник второй мировой войны. Сейчас он работает над книгой рассказов об участии негров в войне в их бесправном положении в современной Америке.

Писатель и киносценарист Зима Бесси был политическим комиссаром «братских Лигилов», сражавшейся в Испании. В числе других переводчиков творческих работников Голливуда он привлекается в судебной ответственности по решению комиссии по расследованию антиамериканской деятельности.

Ответ советским писателям подписали также писатели Бен Филд и Барбара Гейлс, прогрессивные американские журналисты А. Б. Маддилья, В. Дитер, Ричард Бейер, Динесорт Норт (участник боя за свободу Испании), Аллен Дэйвис, Б. А. Ботини, Роберт Гуттман, крупные литературные критики Самуэль Силлен и Чарльз Хаммонд, послед-

ние статьи которого посвящены укладу современного американского романа, литературовед и искусствовед Саймон Финнштейн.

Среди деятелей науки, подписавших это письмо, мы встречаем имена Дании Уилмерсона и доктора философии Говарда Сельмана. Делая доклад в Конференции по социальным наукам на тему «Марксизм и американская философия», Говард Сельман заявил, что господствующее в Америке философское направление — прагматизм и позитивизм — являются отражением идеологии загнивающего империализма.

Художник Рафаэль Сейер — один из тех американцев, кто в прошлом году требовал от Генеральной ассамблеи Организации Объединенных Наций принятия резолюции о разрыве дипломатических и экономических отношений с Франкфуртом, Испанией. Два других художника, подписавших ответное письмо советским писателям, — Филипп Звергу и Манс Вебер (его работы выставлены в крупнейшем музее США) присоединялись к петиции американских художников и критиков, возражающих против удаления фрески с изображением Рузвельта со стены здания почты в Сан-Франциско.

Композитор Мари Блишштейн в 1942 году провел серию радиопередач «Россия поет». Он был в числе 84 видных американских деятелей, отправивших телеграммы Трумэну в поддержку политическим партиям Италии с протестом против вмешательства США в итальянские выборы. Уолтер Бернштейн — музыкант, член национального комитета для создания третьей партии США. Известный писателька Рей Лев гастролировала во многих странах Европы.

Представитель передовой американской интеллигенции, поднявший голос в защиту мира и демократии, да и все прогрессивные мастера культуры США — не одиноки. Их поддерживают миллионы простых людей Америки.

С. Я. АЛЫМОВ

Советская литература посылала большую утрату. Безвременно скончался известный поэт-песенник Сергей Яковлевич Алымов. Стихи и песни Сергея Алымова заслужили признание и любовь советского народа.

Его перу принадлежат одна из самых популярных и любимых нашим народом песен «По долинам и по взгорьям».

Велико число знающих и в народе песен С. Алымова — «Вася-Василек», «Самовары-самовары», «Бейте с неба, самолеты», «Думка», «Путь-дорога», недавно написанная «Песня о России».

В годы Великой Отечественной войны, уже пожилым человеком, С. Я. Алымов добровольно пошел в ряды Советской Армии и участвовал в героической обороне Севастополя. На Черном море, на Балтике, в полных водах Баренцева моря советские моряки видели своего боевого поэта.

Советское правительство оценило поэтическую деятельность С. Я. Алымова. Он был награжден орденом «Красная Звезда», орденом «Знак Почета», медалями «За оборону Севастополя», «За победу над Германией» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

Человек редкой душевной чистоты и доброты, прямого и благородного характера,

„Империя“ газетного штампа

Джон Холмдей Перри — фигура не известная не только миру, но и американскому народу. И тем не менее, он является одним из самых могущественных хозяев прессы в США. Достаточно сказать, что в настоящее время он владеет 26 газетами и контролирует 6 радиостанций. Он монополизировал все виды обслуживания прессы, начиная от поставки информации для газет и кончая продажей им бумаги и типографского оборудования.

Перри — владелец синдиката «Уэстерн Ньюспейпер Юнион» («Союз газет Запада»), который поставляет материал большому числу изданий, в том числе и таким, как «Нью-Йорк Таймс». Фактически он сам делает те шесть тысяч газет, которые снабжают последнюю степень стандартизированной штамповой информации, ибо информация Перри сходит с конвейера уже отредактированной, набранной и даже матризированной.

Более того, Перри продает местным редакторам заранее напечатанные полуторные газеты, причем четыре страницы целиком занимают в них материалы синдиката. 2.400 газетных издателей покупают эту готовую газету, в которой все от первой и до последней строчки изготовлено по одному в тому же готовому стандарту, с соблюдением одних и тех же политических рецептов. Масса мелких провинциальных владельцев газет находится в долговой кабале у Перри, но Перри считает такое положение вполне нормальным. Ибо, как он однажды весьма откровенно заявил: «Мы ответственны за свободу прессы в Америке более, чем кто-либо другой в нашей стране. «Мы» — это короли газетных синдикатов и собственных монополий по отвлечению общественного мнения».

Штаб-квартира Перри находится в Чикаго. Здесь штат его работников заранее и оптом готовят весь материал — от политических сенсаций до тривиальных советских похвал лубовникам и лицемерным-кажески проповедей. Из Чикаго через 35 бюро в различных городах Америки готовый стандартный материал поступает в шесть тысяч газет, поющих друг на друга, как смеющиеся близнецы. Один и тот же шрифт, один и те же кричащие сенсации, один и тот же дешевой юмор в 1.404 газетах под названием «Ньюс», в 654 газетах, именуемых «Геральд», в 450 — «Джорнэл», в 238 — «Демократ», в 198 — «Риалтилен» и т. д.

Основным источником дохода американских газет является, как известно, реклама. По средним данным за три года, доходы американских газет складываются: на 70 процентов от рекламы и на 30 процентов от реализации тиража и других источников. Это показывает, как сильно зависит газета от рекламы, которая является одним из главных рычагов влияния монополистического капитала на прессу.

Разумеется, Перри полностью учитывает и это обстоятельство. В его руках находится «Ассоциация американской печати» («Американ пресс ассошиейшн»); через ее посредство он заключает с рекламодателями соглашения на помещение объявлений в «обслуживаемых» им газетах. Таким образом, в его руках находится еще один дополнительный рычаг влияния (точнее говоря — давления) на печать.

Недавно во время происшедшей в Женеве международной конференции по вопросам печати и информации член американской делегации Мартин совершил агитационную поездку в Висбаден (Германия), где сделал доклад о «пределах свободной печати» в Америке.

«Я утверждаю, — сказал он, — что в заявлениях о том, что свобода печати в Америке — только привилегия монополистических капиталистов, нет ни слова правды».

Самое существование Перри и вся его свобода, ничем не ограниченная деятельность в США являются наглядным и позитивным неопровержимым доказательством всей лживости подобного рода утверждений, в которых Мартин, впрочем, отнюдь не оригинален.

Г. ВИКТОРОВА

ОТЕЗД ИЗ МОСКВЫ НЕМЕЦКИХ ПИСАТЕЛЕЙ И ДЕЯТЕЛЕЙ КУЛЬТУРЫ

Вчера, после двенадцатипятидневного пребывания в Советском Союзе, из Москвы в Германию выехала группа немецких писателей и деятелей культуры. На Вуковском аэродроме гостей провожали представители Союза советских писателей СССР, Всесоюзного общества культурной связи с заграницей

деревья... Я молю бога о том, чтобы не поскользнулся... Мне это еле-еле удалось, и я влетел прямо в свою телефонную кабину... Кончик диктофона, мы собрались... Тут в комнату прессы вошел начальник приемной президента Уилл Симмонс и сообщил нам, что центробежная сила нашего отбытия из кабинета президента захватывала бедного представителя управления гражданской авиации и задержала его, как сильный ветер задуло... мальчику. Когда его закружило, он ухватился за свои пальцы. После того как через него промчалась третья волна, он, будучи не в силах более сопротивляться, свалился на пол. Когда толпа расселась, у мистера Рузвельта вылезли глаза от удивления: прямо на полу перед его письменным столом лежало разбитое тело, походившее в точности на трупа...

Действуя подобными галстечными методами, Смит и его коллеги воры и правдолюбцы своим хозяевам. Они чудовищно искажают факты и лгут, не замечаясь. В этом неоднократно уличал их Рузвельт. Смит не может умолчать об этом. Он признается, что репортеры испытывали «страх перед Рузвельтом».

Рузвельт часто разговаривал на пресс-конференциях с жителями и крестьянами. Естественно, что многие репортеры его не извещали. Смит рассказывает, как он и его коллеги ждали смерти президента. С глубоким отвращением читатель его различные разглагольствования о том, как «корреспонденты Белого дома мысленно слона и снова ретировались, что они будут делать, когда это случится... Что если пильный нож врежется в машину президента? Сердечный приступ? Отравление пивом? Падеж?»...

Мистер Смит развлекается

Облик растленного американского репортера не был бы полным, если бы Смит не рассказывал откровенно о том, как он и

его коллеги проводят свой досуг. До чего же убог и низ духовный мир этих людей! Как пиничны и глупы их забавы!

Вот рассказ о корреспонденте, который, узнав, что его спутник по поездке имеет только одну пару ботинок, и пробылась ночью к нему в купе, ставила эти единственные ботинки и выносила их вот; тому пришлось ходить в ночных туфлях. Вот рассказ о другом корреспонденте, которому палили касс в ботинки. Вот рассказ о третьем, который, придя к себе в номер, обнаружил все предметы своего туалета — бритву, щетку, грешник, зубную щетку — в раковине ванной комнаты; он застал в крепком желании, и из него невозможно было отмыть. Вот рассказ о четвертом корреспонденте, которому в крошечном помещении десятков живых лгунов.

Так выглядят быт аккредитованных при Белом доме избранных американских журналистов в описании одного из них...

Мистер Смит сделал бизнес на смерти президента

Но если говорить о кулуарно-информационном пункте отравлений Вашингтонского труподельца Смита, то, конечно, следует воздать должное той главе, в которой он с восхищением повествует о том, как сбывался, наконец, его давняя мечта — передать в свое агентство «могила» о смерти президента Рузвельта. «Я видел, как он начал умирать», — кивает он пишет Смит.

12 апреля 1945 года всех трех «вампиров» — Смита и его двух коллег и сооперников Оливера и Никсона — вызвали в коттедж одного из секретарей президента — Хассета. Там они увидели плачущих сотрудников. И вот...

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.

Редакционная коллегия: М. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.

В. ЕРМИЛОВ

Неизвестно, чему именно улыбались во мне прошедших веков своей загадочной улыбки офинисы. Но зато понятно, чему они улыбаются в наши дни. Говорят, их улыбка перешла даже в дружелюбный хохот, которому гуло вторили пирамиды и фараоны. Так расшевелил всю эту, в общем, довольно неподвижную компанию египетский журналист, некто Мохаммед-аль-Табей. Своей статьей, напечатанной 28 февраля текущего года в журнале «Ахбар-аль-Дун», он наглядно доказал, что и в Египте умеют соврать, в угоду английским и американским хозяевам, с такой лихостью, что вранье становится уже последние пирамидальными.

Бодрого Мохаммеда-аль-Табей мало тревожит положение вещей на его родине. Его не волнует колониальное рабство Египта, продолжающаяся оккупация страны, хозяйничанье английских и американских господ, полное отсутствие какой бы то ни было политической свободы. Ко всему этому он остается глух и равнодушен, как муля. Что ему родные пальмы? Его больше интересуют экзотические сосисы, его взгляд устремлен на далекий север. Нет для него более волнующего и актуального вопроса, чем вопрос о «свободе мысли в России». Так называется его статья. Лихой Мохаммед-аль-Табей, оказывается, обладает такими потрясающими сведениями о событиях в нашей стране, что все крокодилы мировой желтой прессы могут почерпнуть от записки. Дух замирает, когда мы узнаем от каирского экзотолога о том, что делается у нас в советской литературе.

Оказывается, у нас, в Союзе советских писателей, происходит не более и не менее, как чистка, «жесткой которой пали некоторые литераторы». Вот и имена этих жертв: Константин Симонов, Александр Фадеев, Илья Эренбург, Константин Федин и Александр Макаров.

Все эти лица, как сообщает египетская жрица свободной мысли, «вычищены» из числа советских литераторов. И какая же горькая судьба их постигла. О, Озирис, о, бык в Мемфисе! Какая грустная судьба! Выясняется, что «литературная и художественная карьера этих журналистов и писателей кончена».

Но это было бы еще с полбеды. Нет, баран в Мемфисе! Дело обстоит гораздо хуже.

«Они счастливо отделяются, если власти удовлетворятся только этим наказанием и не заточат их в тюрьмы или не сослат в Сибирь. Во всяком случае, им уже больше никогда не будет разрешено писать или публиковать свои произведения, другими словами, зарабатывать себе на жизнь пером».

Любопытно, кстати сказать, как в этой фразе попутно выразилась вся натура жестокого журналиста, одинаковая повсюду: самое важное и существенное для него в литературном труде — это «зарабатывать себе на жизнь пером». Маленькое перышко каирской желтой итчанки продано и куплено, — она трудолюбиво «зарабатывает себе на жизнь» свой корм...

Выложив свои сообщения, египетский публицист переходит на назидательный тон:

«Вот какова свобода печати и мысли» в Советском Союзе!

Мохаммед-аль-Табей подбегивается: «Я бросаю вызов московской радиостанции, чтобы она опровергла это сообщение. Если же она не может этого сделать, то пусть она нам скажет, где сейчас находится эти писатели».

Да, призер к стенке Мохаммед-аль-Табей бедную московскую радиостанцию! Что она теперь будет делать? Перед ней встает ряд трудных, прямо-таки неразрешимых вопросов.

Юрий ЖУКОВ

ГАЗЕТНЫЕ ШАКАЛЫ

«В энциклопедии говорится, что вапиль — это «класс, разлагающийся мотыль и питающийся трупами». Но мнение президента Рузвельта, отныне слова точно определены роль, которую играли во время войны двое «мотыль и а». Когда его раздала наше присутствие, он прокричал: «стервятники»».

(На книги корреспондента агентства Юнайтед пресс при Белом доме Мерримон Смита «Благодушие» Вас, мистер президент!)

Мне не довелось познакомиться с человеком, написавшим эту, с известной точки зрения небезынтересную исповедь трупода, как он сам себя не без лжи именует. Однако в бытность в Нью-Йорке я наблюдал деятельность множества его коллег и могу засвидетельствовать, что почти в каждом из них выжила стервятника, которую столь охотно приемлет мистер Мерримон Смит, подходит как нельзя более удачно.

От своих собратьев Смит, быть может, отличается лишь большей степенью бесчестности и бессовестности — сообразно своему рангу. Ведь он — не малая сошка, не простой репортер, а «стень президент»: лишь трое журналистов в США — корреспонденты агентства Ассошиейтед пресс, Юнайтед пресс и Интернационал ньюс сервис — разрешено неостужно находиться при особе президента, и Мерримон Смит — один из этих трех. Тем любопытнее различные приказания этого человека, преданные им в газетности не только ради саморекламы, но и ради определенных политических расчетов.

Мистер Мерримон Смит имеет честь представить нам внутреннюю закулисную мир репортёрской аристократии Соединенных Штатов. Попутно он изо всех сил старается предать возможно более мерзкую и пакостную поруганию память пре-

зидента Рузвельта и, если возможно, возмездие его преемника в Белом доме, предателями которого были он и его коллеги...

Мистер Смит отблаторил Рузвельта

«Благодушие Вас, мистер президент», — так озаглавил Мерримон Смит свою книгу. Эта фраза представляет собой традиционный возглас старшего корреспондента при Белом доме, озабоченный, что пресс-конференция закончена; после этого пресс-репортеры, как сумасшедшие, срываются со своих мест и, сломя голову, несутся в телефонный аппарат, сметая все на пути. Что касается этих пресс-конференций, то Смит откровенно признает, что они обладают всеми признаками «страши медведя и допроса с пристрастием». Как же Смит отблаторил в своей книге покойного президента, который на протяжении ряда лет до войны и во время войны являлся «медведем для травли» и объектом для «допросов с пристрастием» со стороны Смита и его коллег?

Читая книгу Смита, можно подумать, что он путче всего боится, как бы его не сочли «попущником» Рузвельта и не попросили на этом основании выйти вон из Белого дома. И он считает своим долгом чернить Рузвельта и восхвалять его преемника буквально на каждой странице. Смит благодушно не входит в область вопросов, относящихся к политике, — он чувствует, что в этой области его сравнения могут обратиться в бумеранг, который удрит по нему самому. Тем охотнее он предаётся обязательскому законодательству.

«Когда мистер Рузвельт совершал боль-

шое плавание на военном корабле, то... специально устанавливались лифты, — сплетничает Смит. — Фактически он был безнадёжным инвалидом... Для мистера Трумэна не требуется специального оборудования, и пребывание его на борту корабля приносит морскому министерству меньше хлопот».

«Военное время охрана мистера Рузвельта была такой же тщательной, как охрана Гитлера... Что же касается Трумэна, то он с трудом привык к постоянному присутствию молодого человека с революаром, выныкающего из бокового гармана».

Все эти сплетни требуют Смиту для того, чтобы подвести читателя к тому моменту, «когда мистер Трумэн сел за широкий письменный стол в круглом кабинете с зелеными стенами».

Мистер Смит работает

С особым восторгом мистер Смит живописует свою деятельность «вампир» и «стервятника». Здесь он полностью в своей стихии.

На пресс-конференции, на которой Рузвельт сообщил корреспондентам, что он в четвертый раз выставит свою кандидатуру на пост президента, присутствовал представитель управления гражданской авиации, ведавший вопросами информации, — надела, передвигавшаяся с помощью двух палок. И вот что произошло:

«Президент окончил чтение. «Вы получили свою информацию, теперь ступайте», — проворчал он. — «Благодушие Вас, мистер президент!» — выкрикнул я, одновременно поворачиваясь и устремляясь к выходу... Поскольку я был первым в ряду, я, наклонив голову, ринулся к двери, пробивая себе дорогу... Возникла свалка... Наконец, я протаранил себе путь, открыл дверь и бросился бежать. На пути от кабинета президента до комнаты прессы нужно сделать большой поворот в приемной, отбывая огромный круглый стол красного